

СТОЛИЦА И СТОЛИЧНОСТЬ: ИНСТИТУТ И СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ*

И.Ю. ОКУНЕВ

Столица представляется одним из ключевых элементов политико-территориальной структуры государства. Однако это не только место размещения центральных органов власти, центр управления суверенитетом страны, но и важнейший элемент, формирующий, воспроизводящий и трансформирующий ее государственность, в первую очередь оказывающий влияние на административно-территориальное устройство, систему взаимоотношений «центр – регионы» и региональную политику государства. Номинация столицы – это процесс познания нацией самой себя, эссенция представлений народа о его прошлом, геополитическом позиционировании и образе желаемого завтра. Столицы можно считать одним из видов центра, наиболее типичным институциональным закреплением функции политического центра в противовес периферии.

В статье предпринимается попытка суммировать понимание столицы с точки зрения институционального и символического подходов.

Институциональное понимание столицы

Изучение географического положения столиц началось в рамках политической географии еще в XIX в. Так, в 1874 г. И. Коль оценил положение европейских столиц, проанализировав степень концентрации населенных пунктов вдоль транспортных магистралей, отходящих от столиц¹. Т. Раимов рассмотрел столичные функции на примере государств Центральной Азии, а М. Янишевский разработал типологию столиц².

Согласно определению французского географа Ж. Готмана, столица, прежде всего, является местом размещения центральных органов власти³. Иными словами, по мнению российского географа С.А. Тархова, главной характеристикой, отличающей столицу от любого другого города, крупного экономического или культурного центра, является «управление территорией государства и его населением»⁴.

По общему определению столица обозначает место пребывания правительства страны, за некоторыми исключениями⁵. Важными представляются определения столицы по Трейвишу – № 1: столица – важный административный командный центр по большей части национального или регионального уровня⁶; и № 2: столица – город, занимающий ключевое/доминирующее положение в артикулировании

* Статья написана в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Роль столицы в процессе государственного строительства: генезис, социальный конструктивизм, типология», грант №15-33-01206.

действий, осуществлении конкретных полномочий на глобальном или меньшем уровне⁷.

А. Овсянников определяет столичность как статусный атрибут города, обладающий институтами национальных органов исполнительной, законодательной, судебной власти, резиденции президента. По А. Овсянникову, потенциально любой город может начать обладать столичностью, если туда перенести названные органы государственной власти. Им же дается еще и такое определение столичности: конструируемый образ, основанный на уникальных качествах, характеристиках населенного пункта, выделяющих этот населенный пункт среди других⁸.

Абстрактно-обобщающее определение столичности (по Трейвишу) будет сформулировано так: наличие или существование столичных черт или качеств в городе или регионе.

В широком смысле (по Трейвишу) столица и столичность ассоциируются с тремя следующими вещами: функциональным лидерством в политике, которое необходимо столице в строгом смысле в экономике, культуре.

Символическое понимание столицы

Вадим Россман отмечает, что столицы не только являются местом расположения органов государственной власти, но в их функции входит «представление нации себе и окружающему миру. Столицы представляют собой идеализированные образы нации и национальной истории, своего рода нации в миниатюре»⁹.

Понятие столичности в определении Д.Н. Замятина обозначает онтологический атрибут, преобразующий, трансформирующий внешние, физико-географические приметы и признаки положения определенного места (горная котловина, плато, бескрайняя равнина, остров, предгорье, излучина реки или слияние рек, берег морского залива и т.д.) в мощный — иногда единый, а иногда дуалистический — мифологический нарратив, обладающий целенаправленной сакральной энергетикой, подпитывающей властные дискурсы¹⁰.

Данное предположение можно подтвердить следующими фактами и рассуждениями.

Во-первых, название столицы часто совпадает с названием страны. В Древнем мире государства возникали вокруг городов (Вавилонское царство, Римская империя и т.д.) и переносили название города-метрополии на всю страну. Однако в XX в., особенно в процессе деколонизации, новые столицы стали называть в честь государства, олицетворяя в них идеальный образ нации. Бразилиа строилась как символ новой Бразилии, Гитлер планировал построить столицу мира — город Германия. Генри Пиккер писал, что в 1942 г. Гитлера увлекала идея переименовать обновленный Берлин в Германию (лат. Germania), чтобы город стал центром великогерманского всемирного рейха: «Как в свое время Бисмарк раз за разом приводил баварцев, пруссаков и так далее к германской идее,

так же очень планомерно необходимо направлять германские народы континентальной Европы к германской идее. Он даже считал, что хорошо было бы придать этой работе особо сильный импульс, переименовав имперскую столицу Берлин в Германию. Ведь, несмотря на большую территориальную отдаленность от этой столицы, имя “Германия” у имперской столицы в ее новом репрезентативном облике способно вызвать чувство принадлежности у каждого входящего в германское расовое ядро»¹¹. Одинаковые названия столицы и страны имеют и нации Мексики, Алжира, Туниса, Белиза (после разрушения Белиза столицей стал Бельмопан), Гватемалы, Сальвадора, Кувейта, Монако.

Во-вторых, контроль за столицей часто приравнивается к победе в войне. Немецкий военный теоретик Фридрих фон Бернгарди писал: «Военная история вновь и вновь указывает нам своими многочисленными примерами на важность столиц в ведении войны. Неспособность Ганнибала завоевать Рим лишила его лавров победителя; Наполеон почти всегда выбирал столицы в качестве мишеней своих стратегических атак, повергая своего противника их захватом»¹². Действительно, и в последних военных конфликтах мы часто следим за положением дел в столице (Багдаде, Триполи, Дамаске), пытаясь по нему понять происходящее в стране. Исторические события, знаменующие гибель государств и, соответственно, их столиц (разрушение, упадок или просто утрата статуса), либо кардинальные государственные и политические трансформации, включающие в себя и перенос столиц, оказываются феноменальным «двигателем», «мотором», с помощью которого формируется, становится, развивается динамичная историческая география столиц.

В-третьих, столичность, начиная с древности, связана, как правило, с ритуалами сакрализации властного пространства как центра. Как скажет Д.Н. Замятин, «столица — образ и понятие, бытие которых поддерживается онтологическим статусом государства и государственности. Однако если брать немного шире, то мы несомненно можем говорить о различных множественных вариантах феноменологии центра мира. Это подразумевает, кроме всего прочего, обращение к космогоническим контекстам архетипического мифа об основании столицы. Так или иначе, миф о столице / столичный миф оказывается онтологической границей, соединяющей и одновременно разъединяющей феномен божественной воли и божественного указания и ноумен непосредственного властного целеполагания и решения»¹³. Особенно такая сакрализация чувствуется в образе бывших столиц. Вокруг них формируется особый образ прошлого величия нации, ее второго отражения (сравните, например, Москву и Санкт-Петербург). В столицах также размещаются национальный музей, театр, архив, что символически подтверждает символическую значимость города для нации.

Наконец, иллюстрацией данной тенденции может служить дипломатический жаргон, при котором название страны заменяется именем столицы — «Москва заявила», «Вашингтон ответил».

Подводя итог этому направлению в исследовании столичности, можно сказать, что столицы представляют собой одновременно три сущности: во-первых, это социополитический форум, служащий инструментом власти для социального обучения, где граждане могут принимать участие в формировании государственного дискурса. Во-вторых, это центр производства и распределения общественных благ и услуг, ради чего, собственно, и развивались/создавались столицы в государствах-нациях. В-третьих, это конфигурация символических ресурсов, которая признается жителями и отображает обычаи и ценности населения. Перечисленные три категории редко сходятся в отдельно взятой столице, что свидетельствует о том, что столицы не являются просто результатом целенаправленного моделирования определенных сил.

Ж. Паке утверждает, что важность символического ресурса наиболее ярко проявляется в «особенной жизни столиц», которая является культурным артефактом. Она может быть результатом сделок и договоров, намеренных и непреднамеренных действий местных сил, сформированных, в свою очередь, транснациональными потоками. Столица как система символов живет своей жизнью, соответствующей общественному перемирию между местными жителями, гражданами страны и обитателями прочего мира. Местные выигрывают от центральности положения столицы и перераспределяют материальные ресурсы в свою пользу; граждане страны потребляют символический ресурс, скрепляющий нацию вместе; в то время как обитатели прочего мира, удовлетворяющие потребность в путешествиях по необычным местам, берут на себя часть налоговой нагрузки двух предыдущих групп.

В этой игре с ненулевой суммой каждый из игроков стремится поддерживать иллюзию, будто он единственный победитель, но скрывает свои приобретения от других. Местные жители будут жаловаться на национальные и транснациональные ограничения, сдерживающие развитие их города, имея при этом ощутимые выгоды в виде высокого уровня жизни. Граждане государства будут сетовать на невероятные издержки, сопровождающие национальные праздники, однако стоит им покинуть пределы своей страны, как они начинают демонстрировать национальную гордость. Иностранцы будут роптать на узость интересов жителей столицы и на эксплуатацию, которая портит столицы, злоупотребляя при этом развлечениями в Оттаве или Париже. Подобная какофония позволяет Ж. Паке заявить о столицах, как о самых неискренних местах, однако эта неискренность является следствием необходимости удовлетворять разнородные желания, скрывая недостатки, что превращает столицы в рай для всякого рода планировщиков и проектировщиков. Может показаться, что их главный инструмент

воплощен материально, но на самом деле они владеют рычагами в области репрезентации и символических ресурсов. Таким образом, они работают не для местных жителей, а для всего мира, что ведет к слабой выраженности национальных черт в столицах.

В этой связи коэволюционное развитие столиц предстает как взаимосвязанная эволюция социоматериального и символического порядков, направленная на то, чтобы обеспечить соответствие между столицей и государством при данных ограничениях. Это последовательный процесс, определяющий, будет ли превалировать режим индивидуального или коллективного, но всегда есть опасность, что какой-то из них захочет стать гегемоном, и тут в дело вступают бюрократии, следящие за поддержанием жизнеспособности столицы. Каммингс и Прайс подчеркивают влияние отдельных индивидов, практической политики, политической воли и плюралистической географической базы, а также использование специфических культурных и образовательных институтов в качестве действующих сил, тем не менее они не раскрывают механизма переключения от близоруких рыночных сил к политико-бюрократическому планированию и наоборот.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что институт столицы в государстве имеет как институциональное, так и символическое наполнение и формируется в результате реализации определенной модели взаимодействия объективных и субъективных факторов развития.

Использование символического потенциала столичности для региональной консолидации и позиционирования

Символическое значение столичности, превалирующее над институциональным, открывает перспективы для использования данного капитала локальными сообществами, далекими от мест расположения органов государственной власти. Можно выделить следующие типы использования нарратива о столичности в формировании локальной идентичности.

Во-первых, это нарратив о бывшей столице. В российском случае это не только классический пример Петербурга, но и более сложные примеры Новгорода и Владимира, о которых трудно говорить, как о столицах именно российского государства. В этот же ряд можно занести Старую Ладугу, которая приютила Рюрика еще до появления централизованного славянского государства, но активно использует этот бренд с петровских времен как легитимирующий смещение ядра российской государственности на северо-западное пограничье. Здесь же можно упомянуть и столицы государств, вошедших в состав России (Биляр, Касимов, Казань, Астрахань и т.д.), а также об Александрове Ивана Грозного, Омске Колчака, Куйбышеве Сталина и других подобных примерах. Данный нарратив соседствует в локальном дискурсе с представлениями о золотом веке города и актуализует историческую память горожан.

Даже неизвестный нарратив может обыгрываться в таком ключе горожанами. Так Вязьма с 21 октября 1654 г. по 10 февраля 1655 г. была фактической столицей России, когда царь Алексей Михайлович перевел ее сюда из Москвы, где свирепствовала чума. Или Ярославль, который в 1612 г. при польской оккупации Москвы в Смутное время стал фактической столицей страны, где были сформированы временное Земское правительство (Совет всея земли) и его вооруженные силы (Народное ополчение).

Другой пример фантомной памяти о столице – Таганрог. Город был фактической «столицей» Российской империи с сентября по ноябрь 1825 г., во время проживания в нем императора Александра I; в 1918–1919 гг. он был ставкой (практически столицей) А.И. Деникина, стоявшего во главе Вооруженных Сил Юга России. Наконец, Таганрог планировался Петром Первым в качестве столицы России, но из-за военных поражений от этой идеи пришлось отказаться в пользу Санкт-Петербурга.

Во-вторых, можно говорить о региональных столицах (Урала, Сибири, Поволжья и т.д.) В данном случае предпринимается попытка переноса центр-периферийной модели государственного устройства на региональный уровень выстраивания внутренней дихотомии развития в рамках более узкого региона страны. В данном ключе интересными представляются региональные «дерби» за статус местной столицы между Пермью, Екатеринбургом и Челябинском, Ставрополем и Пятигорском, Сочи и Краснодаром, Новосибирском, Омском и Красноярском, Хабаровском и Владивостоком. Схожими случаями представляются ранговые столицы (вторая, третья, четвертая). Так, для определения официальной третьей столицы России даже был организован специальный конкурс, по итогам которого Казань лишь ненамного опередила Нижний Новгород. Подобное позиционирование помогает выстраивать иерархическую структуру пространства, организовывать и соподчинять в ней единицы пространства и их локальные бренды.

И наконец, в-третьих, можно говорить о переносе идеи столичности на нарратив об исключительности. В таком ракурсе почти каждый город позиционирует себя как столица русских пряников, огурцов, самолетостроения и т.д. Вот список основных Российских столиц в таком понимании этого термина.

- Абрау-Дюрсо – столица шампанского.
- Алексеевка – подсолнечная столица.
- Балабаново – спичечная столица.
- Верхняя Салда – титановая столица.
- Луховицы – огуречная столица.
- Камышин – арбузная столица.
- Котлас – целлюлозно-бумажная столица.
- Кунгур – чайная столица.
- Ростов Великий – финифтевая столица.
- Рыбинск – столица бурлаков.

Саранск — лампочная столица.
Суйда — картофельная столица.
Сызрань — помидорная столица.
Урюпинск — столица глубинки.
Энгельс — троллейбусная столица.

В этом же ряду можно вспомнить о Великом Устюге как городе Деда Мороза или Гороховце как столице Царя Гороха.

В данных случаях концепт столичности не выстраивает центр-периферийные отношения, но позволяет локальным сообществам актуализировать параллельные ментальные противопоставления, которые необходимы для выделения себя из общей массы за счет противопоставления на отдельном участке идентичности.

Таким образом, мы видим, что наличие символического капитала в понятии столичности позволяет даже локальным сообществам, лишенным функций государственного управления, встраивать данный концепт в свои нарративы. Это дает возможность укреплять их локальные идентичности и даже, при грамотном использовании потенциала, выстраивать профессиональное брендинг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Тархов С.А.* Столицы // География. 2007. № 3. – URL: <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200700311>

² См. там же.

³ См.: *Готтман Ж.* Столичные города // Логос. 2013. № 4 (94). С. 16.

⁴ Там же.

⁵ См.: *Росман В.* Столицы: их многообразие, закономерности развития и перемещения. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. С. 37.

⁶ См.: *Treivish A.I., Zotova M.V., Savchuk I.G.* Types of Cities in Russia and Across the Globe // *Regional Research of Russia*. 2014. Vol. 4. No 2. P. 90–91.

⁷ См. там же.

⁸ См.: *Овсянников А.А.* Социология столичности: смыслы и стратегии // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 5.

⁹ *Росман В.* Столицы: их многообразие, закономерности развития и перемещения. С. 35–36.

¹⁰ См.: *Замятин Д.Н.* Феномен / ноумен столицы: Историческая география и онтологические модели воображения // Перенос столицы: Исторический опыт геополитического проектирования. Материалы конференции 28–29 октября 2013 г. / отв. ред. И.Г. Коновалова. – М.: Институт всеобщей истории РАН; Аквилон, 2013. С. 23–28.

¹¹ *Hillgruber A.* Henry Picker, Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941–1942. – München 1968. S. 182.

¹² *Бернгарди Ф.* Современная война. – СПб., 1912. С. 196.

¹³ Перенос столицы: Исторический опыт геополитического проектирования. С. 23.

REFERENCES

Hillgruber A. Henry Picker, Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941–1942. München, 1968.

Berngardt F. *The Modern War*. Saint Petersburg, 1912 (in Russian).

Gottman Zh. The Capital Cities. In: Logos. 2013. No 4 (94) (in Russian).

Ovsjannikov A.A. Sociology of capitalness: Meanings and Strategies. In: Vestnik MGIMO-Universiteta [Bulletin of the Moscow State Institute of International Relations]. 2009. No 5 (in Russian).

Transfer of the capital: The historical experience of geopolitical design. Proceedings of the conference on 28-29 October 2013. I.G. Konovalov (ed.). Moscow, Institute of General History; Akvilon, 2013 (in Russian).

Rossmann V. *Capitals: their diversity, patterns of development and movement*. Moscow, Institut of Gajdar, 2013 (in Russian).

Tarkhov S.A. Capitals. In: *Geography*. 2007. No 3 (in Russian).

Treivish A. I., Zotova M. V., Savchuk I. G. Types of Cities in Russia and Across the Globe. In: Regional Research of Russia. 2014, Vol. 4. No. 2.

Аннотация

В статье дается анализ института столиц как на символическом, так и на функциональном уровне. При таком рассмотрении столицы не только выступают как место расположения органов государственной власти, но и принимают на себя функции представления нации ей самой и окружающему миру. Столицы представляют собой идеализированные образы нации и национальной истории, своего рода нации в миниатюре. Это должно подтвердить предположение о существовании дополнительного механизма национального строительства, выражающегося в создании идеального образа нации и противопоставления его маргинальности периферии.

Ключевые слова: столица, государственное/национальное строительство, межрегиональная дифференциация, внутренний «другой», внутренний ориентализм, социальный конструктивизм.

Summary

The article analyzes the institute of capitals at functional as well as symbolic levels. In this approach the capital not only serves as a place to dispose the governmental bodies, but also takes over the functions of representation of the nation to itself and to the environment. Capitals are the idealized images of nation and national history, a sort of nation in miniature. That should verify the assumption that an additional mechanism of nation-building exists and is demonstrated by the creation of an ideal national image as opposing to peripheral marginality.

Keywords: capital, state/nation-building, interregional differentiation, internal «other», internal orientalism, social constructivism.